

8. ЦДООСО. Ф.41.Оп. 1.Д.90.Л.17, 92, 93, 100, 182; Национализация промышленности на Урале.(окт. 1917 – июль 1918 гг.): Сб. док. – Свердловское кН. Изд-во, 1958. С. 110, 125, 134.
9. Авдаков Ю.К. Организационно-хозяйственная деятельность. С. 35, 36; Труды первого Всероссийского съезда СНХ. С.251.

Н.А. Харитонов
Нижний Тагил

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО УРАЛА В XVI – XVII ВВ.

Современная этноконфессиональная картина Среднего Урала характеризуется широким разнообразием. Однако стоит отметить, что, в отличие от других мультикультурных регионов России, история Зауралья, за некоторым исключением, насчитывает сравнительно немного социальных потрясений, связанных с проблемами кроссэтнической коммуникации. Даже с учетом негативных демографических и миграционных процессов последних 15 – 20 лет этноконфессиональная ситуация в регионе в целом остается стабильной, что особенно ярко выражается в сравнении с другими субъектами Российской Федерации. Причины этого во многом нужно искать еще в самом начале русской колонизации Зауралья, в XVII в.

Уже к концу XVII в. численность русского населения на Среднем Урале существенно превышала число аборигенных жителей [1]. По данным писцовых книг, в конце XVII в. (1678) численность русского населения на всем Урале составляла около 200 тыс. чел. [2]. Однако эти цифры нельзя считать абсолютно достоверными. Переписи населения в допетровской Руси сталкивались со множеством трудностей, в том числе с так называемой «утайкой населения» [3]. Аборигенное население Среднего Урала частично сохраняло свою этническую идентификацию, частично ассимилировалось.

Особенно сильной ассимиляции на Среднем Урале в XVII в. подверглись мансийские племена, что объясняется их малочисленностью и преимущественно дисперсным проживанием. Профессор Г.Н. Чагин отмечает, что русские крестьяне охотно отдавали своих девушек в жены манси взамен на право пользоваться хозяйственными угодьями последних, а вот мансийских юношей особо не привечали [4]. Манси, не утратившие собственную этническую идентичность, в XVII в. также находились под сильным культурным влиянием русских.

Марийское население Зауралья в XVII в. было незначительным и так же было в достаточной степени ассимилировано, что выражалось в постепенной замене родного языка на русский и принятии православия. То же самое можно сказать и о немногочисленном коми-пермячком и коми-зырянском населении Зауралья, а также племенах ханты.

В наименьшей степени культурное влияние русских сказалось в XVII в. на татарском и башкирском населении Зауралья. Процесс ассимиляции же этих этносов практически не был замечен. Стойкая этническая идентичность башкир и татар, заметная и в наши дни, объясняется не только исламским фактором, важность которого трудно переоценить, но и существенными различиями между русским и тюркским населением в исторически сложившемся образе жизни. Большинство татар и башкир в XVII в. еще занимались кочевым скотоводством, проживая преимущественно в степных и лесостепных районах. Это существенно отличало их от русских и многих других этносов Урала, чья духовная и материальная культура базировалась на земледельческих оседлых

традициях и проживании в лесной зоне. Восстания башкир 1662 – 1664 и 1681 – 1683 гг. затрудняли стабилизацию колонизируемого района. Зачастую антирусские настроения подогревались родоплеменной и феодально-патриархальной элитой, а также мусульманскими проповедниками, видевшие в продвижении русских особые угрозы.

Параллельно с русской колонизацией Среднего Урала менялась и профессиональная картина региона. Ханты, манси и ненцы придерживались традиционных этнических языческих верований, основанных на анимизме, тотемизме, почитании явлений природы и многочисленных духов и богов-покровителей, в честь которых устраивали жертвоприношения. Однако, в XVII в. религиозные традиции народов Среднего Урала испытывали на себе сильнейшее влияние ислама и, особенно, православия, в некоторых районах наблюдался практически полный переход к новой религиозной практике. Поэтому, как отмечает Е.М. Главацкая, термин «язычество» по отношению к традиционным верованиям ханты и манси XVII в. не совсем корректен [5]. Кроме того, в отличие от других язычников, среди аборигенного населения Среднего Урала был широко распространен феномен шаманства [6].

Подавляющее большинство пришедших русских переселенцев были православными, однако, на начальных этапах колонизации в XVI – XVII вв. в условиях жесткой нехватки церквей и священников, а также удаленности от центра страны многие обращались к языческой практике местного населения, добавляя в нее некоторые славянские дохристианские верования. Православное население края часто не выполняло церковные обряды и не соблюдало посты. Значительная часть православных Среднего Урала представляла собой последователей старообрядчества. Никакой точной статистики о численности староверов на Среднем Урале не существует, но о внушительности этой цифры свидетельствуют многочисленные самоожожения в конце XVII в.

Татары и башкиры Среднего Урала исповедовали ислам суннитского толка. Многие современные исследователи обращают внимание на тот интересный и, на первый взгляд, даже невероятный факт, что к моменту начала православной миссионерской деятельности среди ханты и манси, многие из них уже были мусульманами, что говорит о достаточно широкой и успешной деятельности мусульманских проповедников в этих местах. Больше всего ислам среди нетюркских племен был распространен в бассейнах рек Тавда и Тура.

Что касается распространения православия среди нерусских народов, то необходимо отметить, что на протяжении всего XVII в. правительство сдерживало процессы христианизации. Это объяснялось желанием, во-первых, сохранить статус ясачного населения для нерусских народов, тем самым обеспечив постоянные поставки пушнины в казну. Во-вторых, правительство пыталось не создавать почвы для возможных конфликтов с властью и русским населением. Последний пункт был особенно важным еще и потому, что Москва прекрасно понимала опасность подобных конфликтов на вновь присоединенной и еще неосвоенной территории. В основе политики правительства на Урале не было этнического или религиозного угнетения. Как правило, и местная русская администрация прилагала все усилия для того, чтобы избежать возникновения конфликтов на этой почве или, если конфликт уже активизировался, решить его как можно скорее и благоразумнее.

Вместе с тем правительство, конечно, было глубоко заинтересовано в том, чтобы крещение было привлекательным для местного населения. Крещеные инородцы получали дополнительные бонусы, в частности

преимущества в наследовании и сохранении прав на земельные владения перед своими некрещеными соплеменниками и разнообразными подарками. Оценив выгоды принятия христианства, некоторые представители аборигенного населения крестились не по одному разу. Однако правительство зорко следило за тем, чтобы вновь крещеные аборигены сохраняли приверженность православию. Предотвратить это, можно было только ограничив бытовые контакты и, прежде всего, совместное проживание крещеного и некрещеного местного населения. Это автоматически приводило к переселению крещеных аборигенов в русские поселения и практически полное прекращение контактов с соплеменниками. Конечно, подобная практика не всегда была удачной. Зачастую крещеный инородец и его семья не выдерживали длительной разлуки с родственниками, бежали обратно в родные края и уходили от православной веры. Подобные поступки оценивались правительством как измена. Бежавших возвращали, наказывали и возвращали к православной вере.

Помимо остальных выгод принятия православия еще и освобождало от ответственности за совершенные ранее преступления. Однако, по царскому указу 1685г. пострадавшим от новокрещеных надлежало вернуть награбленное или выплатить соответствующую компенсацию [7].

Несмотря на все усилия государства и церкви на Среднем Урале все же было довольно широко распространено совместное проживание православных и некрещеных народов со всеми вытекающими отсюда последствиями: от смешанных браков, до принятия отличной от православия веры [8]. Особенно остро на Среднем Урале в начале XVIIв. стоял вопрос нехватки женщин. Уральские крестьяне часто обращались к властям с просьбой решить эту деликатную проблему. Однако решить ее было не так просто, и православные крестьяне вынуждены были искать себе пару среди местного некрещеного населения при условии принятия женщиной христианства. Однако, судя по всему, на практике это важное условие часто нарушалось или, по крайней мере, соблюдалось не особенно четко. Крещеные жены часто возвращались к своим традиционным верованиям и, что особенно недопустимо с точки зрения церкви, перетягивали за собой своих мужей.

Разная этническая и конфессиональная принадлежность могла стать источником острых конфликтов, особенно в местах совместного проживания представителей разных народов и религий. Однако на протяжении всего XVIIв. таких конфликтов, за небольшим исключением, удавалось избегать, в том числе и благодаря проводимой правительством этнической и религиозной политике.

Можно сказать, что российская колонизация играла по отношению к местному населению цивилизаторскую роль. При этом, как справедливо отмечает профессор Г.Н.Чагин, между русскими крестьянами и местным финно-угорским населением общего было гораздо больше, чем различий, что объясняется, прежде всего, схожими природно-климатическими условиями Среднерусской равнины и Зауралья [9]. Все эти предпосылки явились залогом дальнейшего развития кроссэтнической коммуникации на Среднем Урале.

Примечания:

1. Чагин Г.Н. Этнос и культуры на стыке Европы и Азии. Избранные труды.- Пермь, 2002.С.81.
2. Гаврилов Д.В. Горнозаводской Урал в XVII - XXвв. Избранные труды. – Екатеринбург, 2005.С.25.
3. Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIIIвв. – М.,1977.С.49.
4. Чагин Г.Н. Указ. соч. С.88.

5. Главацкая Е.М. Из опыта религиозной терпимости в Северо-Западной Сибири в 17-начале 18 вв. // Уральский сборник. История. Культура. Религия. V выпуск. Екатеринбург, 2003. С.28.

6. Демян В.Н. Загадки Урала и Сибири (от библейских времен до Екатерины Великой). – М., 2001. С. 151

7. Главацкая Е.М. Указ. соч. С.32.

8. Демян В.Н. Указ. соч. С. 128.

9. Чагин Г.Н. Указ. соч. С.84.

А.В. Чащин
Екатеринбург

ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА НА УРАЛЕ В 1930-е гг.

Период с конца 1920-х г. по конец 1930-х г. выделяется по сложности происходивших в то время социально-экономических процессов: форсированная индустриализация, и как следствие быстрый рост городского населения, раскулачивание и голод 1932 – 1933 гг. Всё это в той или иной степени являлось причиной чрезмерно высокой смертности на Урале. Рассмотрение динамики и причин роста числа заболеваний в 1930-е гг. позволяет нам более детально разобраться в факторах высокой смертности. Это тем более важно, что большинство документов по эпидемиологической обстановке в регионе имело гриф «секретно» или «совершенно секретно», и стали доступны для исследователей лишь сравнительно недавно. Секретность документов во многом была связана с тем, что они показывали достаточно тяжёлые условия жизни большинства людей, что прямо противоречило советской пропаганде того времени.

Территориальные рамки рассматриваемого вопроса ограничиваются территорией Свердловской областью в границах 1934 г., а с 1938 г. в составе двух областей, на которые Свердловская область была разделена: Свердловскую и Пермскую область [1].

Из анализа таблицы 1 видно, что на территории, которая в 1934 г. войдёт в состав Свердловской области, в 1931 – 1933 гг. имело место эпидемия сыпного и брюшного тифа, что в немалой степени способствовало росту смертности [2].

Среди основных факторов роста числа заболевших сыпным тифом стоит, прежде всего, указать на неудовлетворительные жилищные условия, особенно в городских поселениях. Городское население на территории Свердловской области увеличилось с 32% от общей численности населения по переписи 1926 г. до 51% по переписи 1939 г. [3] В то же время строительство жилой площади шло гораздо медленнее. Например, в 1934 г. по Нижнему Тагилу сообщалось: «За четыре года население выросло в 3 раза с половинной, а жилой фонд в 2,5 раза» [4].

Всё это приводило к перенаселению жилых помещений, что при проблемах с водоснабжением, недостатком бань и прачечных приводило к антисанитарным условиям в жилых помещениях. Достаточно типичным, например, является описание барака в Красноуральске, зачитанное на совещании секретарей райкомов партии и председателей горсоветов 6 января 1934 г.: «В Красноуральске в бараке №4 организовано общежитие из семейных рабочих. Кругом грязь, мебели нет, вешалки нет, клопы, постельные принадлежности содержатся грязно, умывальник течёт, на полу лужи помой, уборных мало. На 6 бараков, около 500 чел. жильцов, имеется одна уборная, по утрам очереди в эту уборную. А кто не дожждётся своей очереди?» [5].